

Снова метро. Я люблю перемещаться по столице в подземке. Мои приятели — автомобилисты посмеиваются надо мной, дескать, насколько могли бы расшириться границы моей личной свободы, управляя я автомобилем... по широким проспектам Москвы. Но я непреклонен. Дело даже не в бесконечных пробках и времени, потраченном в них, других автомобильных «заморочках», связанных с парковкой, штрафами и прочей ерундой, а в том, что когда уже много за пятьдесят, садиться за руль, тем самым перестраивая свою жизнь под новые колеса, на мой взгляд, просто неразумно.

Мне нравится отдыхать в пути, а точнее, активно отдыхать, будь то автобус, купе вагона поезда дальнего следования или вагон метро. Активно, значит, заниматься чем-то, на что не хватает времени дома: читать, например, смотреть фильмы с экрана гаджета, может быть даже, делать заметки в творческий блокнот. Однажды я сделал наброски целой главы для детской повести в жанре фэнтези за несколько поездок в метро. В моей «путевой» сумке всегда имеется очередная интересная книга, которую всегда хотел прочитать, да все никак не получалось...

Сегодня я без труда отыскал свободное место в достаточно заполненном вагоне и, хотя ехать недалеко (от «Пролетарской» до «Баррикадной»), уселся поудобнее, достал книжку и очки. Когда читаешь в метро, до нужной станции добираться гораздо быстрее. Проверено! И сейчас, читая старую советскую фантастику, я словно возвращаюсь в далекие шестидесятые прошлого века... из светлого будущего, а именно: из декабря 2019 года. И знаете что? Это — прекрасно! Произведения той эпохи, в основе своей гуманистические и заряженные энтузиазмом и позитивом, привлекают, притягивают, заставляют думать и мечтать. Искусственный интеллект, каким его представляли в середине прошлого века... обмен разумом, полеты в другие галактики, гипнотические сны, переносящие в разные пространственно-временные измерения...

Стоп. Что-то меня отвлекает. Нет, не отвлекает, а раздражает. Прокрадывается, заползает в мое сознание через слух. Нечто такое, что мне неприятно и что отвергает все мое существо. Я поднимаю глаза от книги и вижу напротив меня улыбочивого парня, впрочем, уже и не парня, а молодого мужчину, одетого, как парень. Одежда модная, но слегка поношенная (может быть, из секонд-хенда), как и его рюкзак, который он зажал между коленками. Капюшон куртки, который он, очевидно, носит постоянно, сейчас откинут, густая светлая челка накрывает лоб, достигая бровей. Взгляд светло-серых глаз сначала блуждает по пространству вокруг и, наконец, замирает на мне. В руках он держит смартфон, из динамика которого достаточно громко, так, что слышно мне через проход, несмотря на гул движущегося поезда, звучит музыка. Это хорошо известная у нас, а еще лучше — в Германии, строевая песенка, начинающаяся со слов: «Вен ди зольдате дурш ди штадт марширен...», которая исполнялась под оркестр в составе воинских подразделений... в том числе и СС.

Я вдруг понимаю, что оставшиеся четыре перегона до «Баррикадной» я читать уже не буду.

Парень-мужчина, глядя в мою сторону, продолжает нахально ухмыляться. Он

понял, что «достал» меня, и мы с ним на одной волне, хотя и по разные стороны. Собственно, этого результата он и ожидал. Видимо, я ему сразу чем-то не понравился, и этот цирк он устраивает специально для меня. Я мельком оглядываю пассажиров рядом — никакой реакции. Кажется, что никто ничего не замечает, хотя я не сомневаюсь, что музыка очень хорошо слышна в радиусе нескольких метров как минимум. Людей немало, но никто не смотрит в сторону человека, слушающего — специально не в наушниках, а через динамик — фашистские марши в московском метро.

Между тем, он включил следующий трек — раздается очередной марш, очень популярный в Третьем рейхе «Lore, Lore, Lore...». По всему, у него целая подборка, а может быть, и ВСЯ память телефона заполнена этой и подобной хренью... типа речи фюрера на каком-нибудь нацистском «Съезде Великой Германии»...

Я чувствую, как что-то внутри меня зашевелилось и медленно поползло из области сердца все выше и выше. И вот оно уже в голове. Потом снова в сердце. Поскольку из глубин памяти всплывают кадры из документального фильма Михаила Ромма «Обыкновенный фашизм». Впервые я посмотрел его по телевизору, будучи еще подростком, года через два после выхода на экраны. А потом еще и еще раз, когда появлялась такая возможность. В новом времени я его относительно недавно пересмотрел в интернете... 1933 год, нацисты приходят к власти в Германии... Фюрер принимает парад... Сожженные в печах концлагерей... документальные свидетельства зверств фашистов, архивные фотодокументы... Уничтожение миллионов людей... бомбардировки... пожарища... Нюрнбергский процесс... колонна пленных немцев на улицах Москвы, за которыми следуют поливальные машины и... вот эти марши...

Этот подонок, а теперь — отныне и навсегда — я его считаю только таковым, не дослушав до конца, включает следующий марш истинных арийцев, как мне показалось, сделав звук чуточку громче. Интересно, он собирается заниматься этой демонстрацией (лично для меня, в этом сомнений нет) до тех пор, пока я, опустив плечи, не выйду на своей станции? Сам он, судя по всему, скоро выходить не собирается.

«Станция "Китай-город". Платформа справа», — раздается из динамика. Народ выходит и заходит, но никто не обращает на нас внимания. «Нас» — это потому, что и он, и я понимаем, в чем проблема этой незапланированной совместной поездки. И мы продолжаем упорно смотреть друг другу в глаза, только он при этом улыбается, а я нет.

Потому что теперь мне вспомнился художественный фильм 1976 года «Горячий снег» по роману Юрия Бондарева. Как раз тот эпизод, где командир батареи лейтенант Дроздовский, которого играет Николай Еременко, отдает приказ красноармейцу Сергуненкову (его роль исполняет Александр Кавалеров) «уничтожить гадину» — немецкую самоходку, пулемет которой не дает нашим бойцам поднять головы из окопа. И Сергуненков, обреченно взяв противотанковые гранаты, обращается к своему товарищу-ездовому напоследок: «А ты, Рубин, коней мучить будешь — на том свете найду...» Задачу он выполнить не смог, его срезает пулеметная очередь...

Тем временем со смартфона звучит очередной марш. Он знаком и мне, это «Хорст Вессель» — марш штурмовиков СА, позже ставший, по сути, вторым гимном фашистской Германии

26 июня 1941 года мой дедушка, тридцати шести лет отроду, получил в военкомате винтовку и ушел на фронт красноармейцем. Маленький тихий служащий из Конотопа, которому «однажды прекрасным утром постучалась в окошко небольшая, казалось, война...», он очень пригодился там, на передовой, поскольку в совершенстве владел немецким языком. Дедушка начал свою войну в 1941-м и окончил 9 мая 1945-го, отвоював (как я узнал из открытых архивов Министерства обороны в интернете) на Втором Украинском, Четвертом Украинском, Воронежском и Западном фронтах. Бог уберег его, и он вернулся с орденом Красной звезды и медалью «За боевые заслуги». И... он сделал еще одно главное дело своей жизни. Мои бабушка и папа, которому тогда было девять лет, как члены семьи красноармейца, воюющего в действующей армии, получили право на эвакуацию из Конотопа, который в скором времени заняли фашисты.

«Следующая станция "Пушкинская", — раздалось из динамика. — Осторожно, двери закрываются».

Мне показалось, что он сделал музыку еще громче, наверное, прочитал что-то новое в моем лице и теперь наслаждался эффектом и своей безнаказанностью. В самом деле, что ему может сделать лысеющий дядюшка — очкарик в нелепой кепке? Да ничего! А на любые слова у него, разумеется, заготовлен ответ. Поскольку он всего лишь безобидно слушает музыку, что не запрещено законом. И ему совершенно наплевать на то, что это кому-то может не понравиться. Кому не нравится, пусть не слушает. Или ездит на личной машине.

У меня, само собой, другой взгляд на ситуацию. Он сформировался еще тогда, когда я услышал первые аккорды «Wenn die Soldaten». И даже не взгляд, не мнение, а решение, которое по ходу движения трансформировалось в призыв к действию. Вот... и строки из Высоцкого вспомнились: «...*Наши мертвые нас не оставят в беде, наши павшие, как часовые...*».

Все, пора. Если не сейчас, то никогда. Если не я, то никто. Родина-мать зовет...

Я, намеренно изображая старичка, который не без труда приподнимается со своего места (отчасти так оно и есть) встаю, снимаю очки и вместе с книжкой укладываю в сумку. Надеваю перчатки. Кажется, что все эти действия тянутся медленно, как в замедленной проекции. На деле, всего десяток-другой секунд. Поезд уже начинает замедлять движение, приближаясь к станции «Пушкинская». Я делаю один шаг, но не в сторону дверей, а прямо к человеку, который слушает сам и заставляет слушать других фашистские марши... в моем метро. В моей Москве. В моей России.

И он ничего не успевает, поскольку расслаблен, самоуверен и самодоволен. Ничего опасного он не ожидает от дедушки, который может лишь кривиться, если ему что-нибудь не нравится. А зря. Поскольку если ты, парень, делаешь кому-то вызов, заявляешь о себе, то должен быть готовым ко всему. Рядом с любителем нацистской музыки стоит юноша в наушниках, с другой стороны — дама, из уха которой тоже торчит, но беспроводной наушник, и она с кем-то ведет торопливую беспрерывную беседу.

Я резко хватаю своего оппонента за белокурую шевелюру, чуть притягиваю к себе и, что есть сил, всаживаю правое колено в его лицо. Все происходит молниеносно, пожилой мужчина, дремлющий рядом, даже не пошевелился. Удар вышел очень сильным, я попал где-то в область челюсти, и парень поплыл. Глаза закатились, помутнели, из носа закапала кровь.

Когда мне было шесть или семь лет, этому приему научил меня папа. За последние пятьдесят лет я его не применил ни разу. Но вот, пригодился... Смартфон, выпавший из его рук, валяется в проходе и молчит, очевидно, сбились настройки. Поезд уже на «Пушкинской».

— Извините, товарищи, — обращаюсь я ко всем и ни к кому конкретно, — концерт окончен.

Мой враг все еще не очухался, что-то бессвязно бормочет, размазывая по лицу кровавую слизь. На меня с изумлением глядят студент и дама, поперхнувшаяся на полуслове, но они не в силах даже пошевелиться, поскольку все произошло слишком быстро. А может быть, они испугались меня? Мало ли что...

Уже покидая вагон, предварительно совершенно случайно наступив на смартфон, я услышал за спиной женский визг:

— Позвоните машинисту! Вызовите полицию! Тут страшная драка!

Крики раздаются тогда, когда пассажирская масса, сгрудившись на перроне «Пушкинской», уже ввалилась в вагон.

Сердце бешено колотится, норвит выскочить из груди, и, хотя за мной никто не гонится, я быстренько, насколько позволяют силы, взлетаю вверх по лестнице перехода на «Гверскую». Уже около эскалатора я на всякий случай снимаю куртку, сворачивая ее подкладкой наружу, и поворачиваю кепку козырьком назад. Это на тот случай, если по горячим следам будут ловить пожилого хулигана — нарушителя общественного порядка на Московском метрополитене имени В. И. Ленина.